

УДК 323+316.2

Андрей Александрович Коряковцев
кандидат философских наук, доцент,
докторант Института философии и права
Уральского отделения Российской академии наук
г. Екатеринбург
akoryakovtsev@yandex.ru

ПРЕДПОСЫЛКИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ЭТАПА РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

В статье рассматривается возникновение института социальной работы. Он трактуется как закономерный итог макрореволюционного цикла первой половины XX в. и сопровождавшей его культурной эволюции индустриальных обществ.

Системный институт социальной работы, макрореволюционный цикл, бюрократическое общество, модернизированный капитализм, социальный проект фашизма, модели социальной политики, социальная защита, социальная помощь, социально-экономическая модель.

Общественный прогресс часто ставится под сомнение. Однако одним из доказательств, что он все-таки существует при всей его хрупкой поступи, является возникновение в промышленно развитых странах мира системного института социальной работы.

Обычно предпосылки его сводят к существованию острых социальных проблем, которые он призван разрешить. Однако эти проблемы, например безработица или наркомания, существовали и раньше. Отчего же системный институт социальной работы возникает повсеместно только в XX в.? Очевидно, чтобы ответить на этот вопрос мало констатировать проблемность общественного развития. Знание действительных предпосылок позволит уточнить социальное содержание его деятельности в современную эпоху. Это содержание будет также подтверждено общественно-историческим процессом, в котором оно было сформировано.

Начнем с общеизвестного факта: в первой трети XX в. капитализм, основанный на стихийном, бесконтрольном рыночном развитии, на свободной конкуренции мелких и средних производителей, переживает глобальный кризис. Его проявления таковы.

Вторая волна промышленной революции (пришедшаяся на рубеж XIX–XX вв. и связанная с переходом от «индустрии угля и стали» к «индустрии новых технологий», таких как, например, телефон и радио, электрические и дизельные моторы, автомобили и самолеты, чуть позже – телевидение и т.д.) послужила росту общественных

потребностей и расширению возможностей их удовлетворения, в то время как капиталистическое производство переживало застой. Количество товаров на складах увеличивалось, но они не раскупались вследствие слабой покупательной способности населения: возможности либерального капитализма не обеспечивали ее рост. Циклические кризисы капиталистического производства увеличивали безработицу, снижали материальный уровень жизни трудящихся, обостряли классовые и внутриклассовые противоречия и конфликты. Реакцией на все это стал подъем освободительного движения промышленного пролетариата в организованных формах, не прерванный даже коротким периодом «просперити» (относительного процветания в 1920-х гг. в некоторых развитых странах).

Процесс образования рабочих партий в начале XX в. происходил на пространстве от Аргентины до России, от Австралии до Канады. В ряде развитых стран произошли революции, приведшие к изменению отношений собственности и форм государственности. Необходимо говорить о *едином* революционном цикле тех лет. Революционные события и массовые протесты, произошедшие в одной стране, так или иначе влияли на ситуацию в других странах. Вехи этого революционного процесса: 1905 г., февраль и октябрь 1917 г. – Россия; 1918 г. – Германия и Австро-Венгрия; начало 20-х гг. – Италия («красное двухлетие»); середина 30-х гг. – Испания (гражданская война, образование республиканского правительства в Мадриде и советской власти с участием анархистов в Барселоне). В странах с развитым гражданским обществом и развитой парламентской демократией на выборах побеждают партии, ориентирующиеся на интересы рабочего класса. Так, в 1902 г. во Франции победил «левый блок» республиканцев и социалистов во главе с Эмилем Комбом, начавший эпоху социальных реформ и всеобъемлющей секуляризации общества. В середине 30-х гг. эти меры были расширены Народным Фронтом, объединившим все левые партии. В итоге во Франции закрепляется система государственного регулирования экономики. В Великобритании начало социального реформирования связано с политической деятельностью лидера либеральной партии Ллойд-Джорджа, дело которого было продолжено и расширено Лейбористской партией (или партией Труда). В 1928 г. в Швеции в результате выборов к власти приходят социал-демократы, которые также начинают социальные реформы, увенчавшиеся созданием так называемой «шведской модели социализма». В США социальное реформирование началось уже после грандиозного спада экономического развития, названного Великой Депрессией, в 30-х гг., воплотившись в «Новом курсе» Ф. Рузвельта.

И революционная борьба рабочего класса, и реформистская практика левых правительств по большому счету имели один и тот же результат: впервые в мировой истории непосредственные производители (прежде всего пролетариат индустриально развитых стран), в той или иной степени, прямо или косвенно начали оказывать влияние на экономическую, политическую и культурную поли-

тику своих государств, реализуя таким образом свои действительные интересы.

Вся эта трансформация капитализма, наметившаяся в первые годы XX в. и во время первой мировой войны, была стимулирована кризисом западных экономик (конец 20 – начало 30-х гг.) и завершилась в общих чертах в 50–60-х гг. Причем по большей части поиск выхода из кризиса в той конкретной исторической ситуации шел стихийно, без опоры на какую-либо научную теорию, со стороны самых разных, порой противоположных, концепций и идеологий. Лишь во второй половине 30-х гг. появляются работы, научно обосновывающие подобную эволюцию. Среди них особо выделяются труды английского экономиста Дж. М. Кейнса, ставшие практическим руководством для реформаторов [1, с. 58-66]. Совокупность этих реформ была даже названа «кейнсианской революцией». Он указал следующие возможные выходы из кризиса. Во-первых, повышение «эффективного спроса», то есть покупательной способности трудящихся, составляющих большинство населения, благодаря росту их зарплат. Во-вторых, использование государственных расходов, посредством переноса избытка средств на общественное потребление, в сферу затрат на общественные услуги, образование и т.д. В-третьих, путь милитаризации экономики, когда ее развитие стимулируется спросом со стороны одного-единственного потребителя – государства, ведущего подготовку к крупномасштабной войне.

Формы преодоления кризиса классического («дикого», «либерального») капитализма определялись как борьбой пролетариата с буржуазией, так и их обоюдной высокой экономической и политической зрелостью. Но дело в том, что социально-психологическое, политическое и экономическое поведение рабочих и буржуазии зависело от условий, в которых они обретались. В зависимости от этих условий, преломляющих их совокупную волю, варьировались и формы воплощения результата деятельности. Можно различить три типа этих форм.

Первыми на путь радикальной трансформации индустриально развитого буржуазного общества встали страны с «проблемным» развитием либерального капитализма. В них кризис капиталистического производства проявился острее, поскольку был усугублен сохраняющимися пережитками феодализма в общественной системе (например сословной структурой) и отсталой политической системой монархии. Среди «сверхдержав» того времени к ним относятся Россия, Австро-Венгрия, Италия и Германия. В них не смогли произойти реформы, мирными методами модернизирующие капитализм.

В результате совокупности событий, происходивших в Восточной Европе (в бывшей Российской империи и сопредельных странах) с 1914 г. (то есть с начала первой мировой войны) по 50-е гг. (когда завершилось становление системы Варшавского договора), в этом регионе возникает так называемая «Восточная модель» индустриальной экономики.

стриальной экономики, которую можно назвать так же *бюрократическим обществом* [2]. Особенности этой модели таковы.

В ее основе лежит замещение горизонтальных (буржуазных) экономических связей связями внеэкономическими, «административными» – бюрократическими, вертикальными. Политические и социальные условия для этого замещения возникли в результате всей совокупности социальных процессов, шедших в России с 1914 г. Но в особенности они усилились во время гражданской войны, в ходе которой вся политическая власть в стране сосредоточивается в руках нового управленческого аппарата. При Сталине в результате свертывания нэпа процесс замещения социальных связей углубился и стал необратимым. В результате произошло преобразование гражданской частной собственности в *корпоративную* частную собственность партийно-государственной бюрократии, составившей единый *бюрократический класс*.

А это, в свою очередь, способствовало превращению всей общественной структуры в единую иерархию, на вершине которой обитали различные ведомства партийно-государственного аппарата (среди которых шла постоянно борьба за власть), а внизу – лишенные собственности на средства производства представители гражданского общества в качестве класса *административно зависимых работников*.

Общественный продукт в этой социальной системе распределяется сообразно месту, занимаемому в этой иерархии. И он выражается не столько в деньгах, сколько в неэкономической форме: льготах, блате, внеочередности и так далее. *Бесплатность* медицины, образования и других услуг в этой системе представляет собой *неэкономическую форму оплаты за труд*, точно так же, как, например, для чиновника *спецраспределитель* является *неэкономической формой частного присвоения общественного продукта*.

Социальная защищенность как таковая здесь распространяется прежде всего на *лояльных* граждан, то есть интегрированных в социальную иерархию и живущих по ее особым идеологическим и политическим правилам. Противоречие *социальной защищенности* здесь состоит в том, что она выступает не только в своей собственной форме, но и в форме *инструмента подчинения*.

Рыночные отношения в структуре советской экономики сохранялись в преобразованном виде: меньшая часть их была элиминирована и стала так называемой «теневой экономикой», криминальным сектором. Большая часть стала объектом государственного регулирования. Но в силу тотального огосударствления собственности дело выглядело так, будто в обществе остался только один потребитель – государство, представленное иерархией конкурирующих между собой ведомств. В силу этого стихия рыночной конкуренции трансформировалась в стихию конкуренции между государственными ведомствами (в *бюрократическую конкуренцию*), а стихия рыночной конъюнктуры – в стихию конъюнктуры *политической* и

идеологической. При этом в первую очередь учитывались интересы собственников – членов бюрократической корпорации, а не реальных производителей. Благополучие этих собственников зависело не от производительности, не от реальной прибыли, а в первую очередь от того, какое место в бюрократической иерархии они занимают. Поэтому экономика была призвана удовлетворять не реальный, а идеальный, воображаемый спрос, воплощенный в формальных показателях плана, спускаемого от имени бюрократических инстанций. Это породило такие явления как *товарный дефицит* и одновременно с ним – *товарное перепроизводство*.

Эти закономерные недостатки *бюрократического* рыночного хозяйства была призвана компенсировать централизованная государственная система социального обеспечения и социального страхования. Неверно утверждать, что в Советском Союзе отсутствовал институт социальной работы. Просто он имел весьма специфические черты, обладая при этом как достоинствами, так и недостатками.

Во-первых, он функционировал в обществе, где легальное существование индивида возможно было только в рамках какой-либо государственной структуры. Это предполагало *патерналистскую модель* отношений с клиентом: клиент рассматривался исключительно как пассивный получатель социальной помощи (при обязательном условии *имитации* общественной и политической активности).

Во-вторых, он исключал негосударственную благотворительность и негосударственную филантропию. Считалось, что случайность и узость оказываемой ими помощи способна возместить только централизованная, регулярная поддержка нуждающихся со стороны государства. Хотя, нужно заметить, негосударственные благотворительность и филантропия в советское время не были уничтожены вообще. Они продолжали существовать под видом «шефства», осуществляемого администрацией промышленных предприятий или руководством «общественных» организаций, например пионерской или комсомольской. В этой связи можно вспомнить развернувшееся по всей стране с 1930-х гг. «тимуровское движение», которое, конечно, следует рассматривать как специфическую форму гражданской филантропии. Позже, впрочем, оно приобретает формальный характер, все чаще инспирируемое государством, разделив участь многих других спонтанных общественных движений, порожденных Октябрьской революцией.

В-третьих, поскольку правящие круги советского государства рассматривали социальные проблемы не в качестве определенных данной общественной системой, а только в качестве принесенных извне (то есть как наследие прошлого и как результат чуждого влияния), то социальная работа была направлена всецело на их симптомы, а не на устранение их коренных причин. Она не дополнялась глубоким социальным реформированием (как на Западе или в Китае), а, напротив, опиралась на консервативное убеждение господ-

ствующих слоев о совершенстве фундаментальных устоев данной общественной модели (то есть данных форм собственности, социальной структуры, государственности и идеологии). С этим связано и то, что многие социальные проблемы, такие, например, как массовая скрытая безработица или массовая наркомания (в форме алкоголизма), просто отрицались.

В-четвертых, централизованный характер распределения общественного продукта, как уже было сказано, здесь вовсе не означал их обобществления. При распределении средств в пользу клиентов системы соцобеспечения соблюдался в первую очередь интерес того ведомства, в котором они работали. Приоритет того или иного ведомства определялся в ходе «подковерной» борьбы внутри бюрократической иерархии.

Социальная политика советского государства, в рамках которой функционировал институт социальной работы, пережила в своем развитии несколько этапов. В первые годы советской власти она была направлена на борьбу с последствиями войн, «дикого» капитализма и царизма – массовой безграмотностью, нищетой, детским беспризорничеством, высокой детской смертностью (самой высокой в Европе тех лет). Масштаб этих проблем в условиях социальных трансформаций того времени делал необходимой опорой именно на *централизованную государственную* систему соцобеспечения и страхования. Особо необходимо отметить, что уже в этот период социальная помощь приобретает избирательный характер, иными словами, становится средством социального принуждения: в конституции молодого советского государства появляется категория «лишенцев», то есть лиц, лишенных всей полноты гражданских прав в силу социального происхождения, политической или идеологической позиции. Соответственно, на них не распространялся и весь объем социальной помощи.

Этот репрессивный характер социальной политики советского государства усилился в эпоху Сталина. В результате политических репрессий категория «лишенцев» была значительно увеличена не только за счет репрессированных, но и за счет их родственников. Вместе с тем следует признать, что именно в экстремальных условиях военной и послевоенной разрухи, пришедшихся на сталинский период, советская система централизованного государственного соцобеспечения показала свою эффективность, не допустив массового обнищания населения и справившись с социальными проблемами (по крайней мере, в их острой массовой форме) в рекордно быстрые сроки.

Качественные изменения в социальной политике советского государства происходят в конце 1950 – начале 1960-х гг., во времена Н.С. Хрущева. Связаны они с законодательной ликвидацией социальных категорий, пораженных в правах, а именно с широкой реабилитацией репрессированных и с выдачей паспортов колхозникам. При отсутствии легальной независимой от государства социальной

сферы эти меры резко увеличили количество клиентов социальной помощи, что стало непосильной ношей для федеральных ведомств. В той ситуации правительство Хрущева подключило к решению социальных проблем промышленные предприятия. Они взяли на свой бюджет региональную «социалку» – обеспечение жильем своих сотрудников, охрану здоровья, инфраструктуру.

В эпоху Хрущева в Советском Союзе в массовых масштабах возникает «средний класс» и складывается советский вариант «общества потребления» или «общества равных возможностей». Характерные черты последнего таковы.

1. Рост потребностей населения, обеспеченный завершением второй промышленной революции.

2. Наличие стабильной «социально-лифтовой системы»: в принципе, всякий советский гражданин в те годы мог сделать удачную административную, производственную или научную карьеру, не используя при этом первоначальный финансовый капитал (что почти обязательно при капитализме). В данной общественной системе роль первоначального капитала играл «капитал бюрократический» – социальные связи, политическая и идеологическая лояльность, подтверждаемая членством в КПСС и ВЛКСМ – органах открытого идеологического и политического контроля. Удачная карьера увеличивала заработную плату, платежеспособность и потребительские возможности. Централизованный характер советской системы соцобеспечения и соцстрахования, особенно в «брежневский» период, обеспечивал стабильность социального развития, сглаживал последствия растущего социального неравенства и классовых противоречий.

Однако в дальнейшем экстенсивный рост советской промышленности, зависимой от продажи сырья за рубеж, был остановлен падением цен на нефть. Свою роль в развертывании кризиса сыграла и война в Афганистане, требовавшая огромных бюджетных расходов. На фоне развившихся общественных потребностей, в особенности в условиях экономического кризиса 1980-х гг., стали видны недостатки советской системы соцобеспечения и соцобслуживания: низкий уровень технической оснащенности, социальных услуг и пособий, медленное реагирование на общественные проблемы, бюрократическая косность, мотивирование социального иждивенчества. Смена социально-экономической структуры и государственности советского общества в 1990-х гг. сделали необходимым изменение социальной политики государства, а значит и системных форм социальной работы.

Легализация и расширение влияния на общественную жизнь рыночного сектора в 1990-е гг. (в советское время составлявшего так называемую «теневую экономику») были мотивированы не только экономическими причинами, а уж тем более не только «вливанием Запада». В немалой степени они были обусловлены господствующей в те годы в сознании как социальных верхов, так и соци-

альных низов, либеральной (рыночной) идеологией. А она, в свою очередь, являлась реакцией на «коммунистическую» идеологическую оболочку советского государства, – оболочку, чьи корни уходят в эпоху острого противостояния буржуазии и пролетариата, но которая совершенно устаревает в новых исторических условиях.

Социальная политика российского государства в «либеральные» 1990-е гг. приобретает черты *остаточной модели*: государство, уходя от вмешательства в экономику, слабо вмешивалось и в экономическую жизнь своих граждан, оставив их один на один с рынком. Результатом этого стали внеправовые трудовые отношения (невыплата зарплат, либо их юридически не обоснованное снижение), упадок прожиточного уровня, рост безработицы, массовое детское беспризорничество, существенно превысившее послевоенный уровень и т.д. В свою очередь, это стимулировало развитие наркомании, преступности и других социальных патологий. Все вместе это вело к нарастанию социальной напряженности, усугубляло экономический и демографический кризис, что угрожало благосостоянию не только большинства населения страны, но и правящих кругов.

Поэтому с необходимостью за сменой президента в 2000 г. последовала смена политического и экономического курса. Новый президент и новое правительство предприняли укрепление централизованного управления и частичное возвращение государства в экономику. Все это происходило уже, конечно, в рамках иной идеологии. Прозападный либерализм 1990-х гг. сменяет «патриотическая» консервативная идеология, делающая акцент на традиционные ценности семьи, религии, державности, нации. Упор делается не на индивидуалистические ценности, свойственные буржуазному либерализму, а на ценности коллективистские, корпоративные. Соответственно меняется и социальная политика: хотя в ней еще доминируют подходы, свойственные остаточной модели (пример тому – неудавшаяся «зубовская» реформа пенсионного обеспечения, вызвавшая у населения бурный протест). Но вместе с тем укрепляются и элементы социальной помощи, основанной на государственном распределении средств в пользу нуждающихся. Государственное распределение выражено, например, в компании «национальных проектов». Расширению бюджетных затрат способствуют стабильно высокие цены на нефть, что существенно для сырьевой экономики страны. Однако эту эволюцию социальной политики следует признать пока нестабильной и недостаточной вследствие большого объема тех общественных проблем, которые невозможно решить без участия государства.

К другому типу эволюции индустриально развитых стран принадлежат страны с парламентской демократией (например Великобритания, Франция, США). В них модернизация капитализма приняла мирные, реформистские формы. Это стало возможным благодаря следующим причинам.

Очевидно, что два первых варианта антикризисных мер, обозначенные Кейнсом, в определенной степени примиряли интересы

рабочего класса и буржуазии постольку, поскольку это позволяли делать технологические, культурные и психологические условия, обуславливаемые промышленным производством. Пролетариат как субъект наемного труда получал средства к жизни, достаточные для расширенного воспроизводства своих потребностей, что само по себе сглаживало остроту классовых противоречий (но не устраняло их). А собственники – буржуазия – обретали устойчивый спрос на продукцию своих предприятий, а значит и стабильные социальные условия для воспроизводства своих капиталов. Богатство господствующего класса зависело от роста покупательной способности большинства населения, а потребности этого большинства не выходили за рамки традиционной культуры буржуазного общества – именно эти два фактора стали решающими условиями данных социальных перемен. Кроме того, таким образом для буржуазии снижались пагубные последствия циклических кризисов, бизнес-риски. При этом, правда, значительно увеличивалась роль государственной бюрократии, ведающей распределением средств и правовым обеспечением экономической активности. Это открыло путь для медленной, но неуклонной бюрократизации общественной жизни, что содержит зерно будущих противоречий и социальных потрясений. Но, так или иначе, эти реформы потому и состоялись, что оказались взаимно выгодными для всех классов индустриально развитого общества.

К тому же буржуазия этих стран обладала достаточными капиталами, накопленными в колониальную эпоху, чтобы поделиться ими с рабочими без особого вреда для капиталистического производства. При этом она была политически самостоятельна и не зависела, как в России и Германии, от феодально-бюрократического государства. Пролетариат этих стран оказался способным в большинстве своем интегрироваться в буржуазную политическую и экономическую систему, в систему традиционных буржуазных ценностей. А институты развитой парламентской демократии позволяли ему легально выражать свои политические и экономические интересы на выборах.

Все это вместе взятое обусловило возможность проведения в данных странах реформ, в результате которых возникло общественное устройство, которое можно назвать *модернизированным капитализмом*. Рынок здесь сохранился в виде доминирующего уклада, но он стал *управляемым* экономическими, политическими и правовыми рычагами, составившими механизмы *сознательного регулирования социальных связей*. Так преодолевалась стихийность рыночного развития, если не абсолютно, то относительно предыдущего периода. На основе этих механизмов сложилась система *распределения* общественного продукта. Теперь его существенная часть перестала быть присваиваемой частным образом, а начала возвращаться обратно к непосредственным производителям. Это обеспечило возможность широкого применения *неэкономической оплаты* за труд в форме предоставления бесплатных социальных услуг (или по цене ниже рыночной), например бесплатного высшего образования (как

во Франции), создания сети общественных туалетов (повсеместно в Западной Европе), а также относительно высоких пенсий и пособий пенсионерам и инвалидам, позволяющих им вести независимое от рынка сносное существование.

Кстати заметим, что благосостояние престарелых лиц и инвалидов, да и сам их статус получателей пенсий, зависят от господствующего в обществе способа производства и от уровня развития общественных производительных сил. Сам феномен массовых трудовых и социальных пенсий, равно как и пенсий по инвалидности, был порожден развитой промышленностью и социальными реформами, соответствующими ее зрелому этапу. Дальнейшее успешное развитие экономики в промышленно развитых странах мира, щадящие условия работы, прогресс медицины, общая комфортная социальная и социально-психологическая ситуация обусловили продление жизни трудящихся, в том числе увеличение работоспособного возраста и возраста пенсионного. Новые средства производства (компьютер и Интернет) предоставляют инвалидам возможность самостоятельной социализации и успешного функционирования на рынке труда в качестве рабочей силы. Этому же способствует и увеличение доли в общественном разделении труда интеллектуальных его видов, позволяющих трудиться – при наличии определенных навыков и образования – до тех пор, пока у человека работает мозг. Таким образом, в обществе появилась тенденция несовпадения пенсионного и работоспособного возраста в виде увеличения последнего относительно первого.

Данная система распределения общественного продукта не является прямым обобществлением средств производства, но в то же время посредством ее достигается хотя бы косвенный контроль трудящихся за ними. Причиной роста жизненного уровня в названных странах стало именно это *частичное обобществление* общественного продукта (что, собственно, составляет неполную реализацию *социалистического* принципа) на основе *высокой производительности рыночного сектора экономики*, опирающегося, в свою очередь, на высокотехнологичную промышленность.

Социально-психологической основой модернизированного капитализма являются интересы и потребности *платежеспособного потребителя*. Не только его способность *покупать*, но и разнообразно *хотеть* играет здесь большую роль. Это подразумевает социальное поведение, не скованное какими бы то ни было требованиями аскезы, а, наоборот, мотивированное гедонистическими соображениями. Увеличение потребительских возможностей дискредитировало прежнюю культуру, основанную на ценностях репрессивной религиозной и трудовой этики во имя абстрактных ценностей (как это выражено, например, в протестантизме и сталинизме). Это повлекло за собой углубление и расширение *секуляризации* и *индивидуализации* общественного сознания, начавшихся еще в эпоху Возрождения и Просвещения. В результате культурной революции

1960-х гг., затронувшей все индустриально развитые страны, включая и СССР, в общественном сознании одерживают верх ценности и идеология индивидуалистического гедонизма: на смену библейско-кантовско-сталинскому принципу «надо» приходит эпикурейско-фейербаховский принцип «хочу». Веками навязываемое обществу ортодоксальной религией представление о «греховности земных радостей» сменяется массовым убеждением о праве человеческого индивида на посюстороннюю счастливую жизнь.

Все светские и религиозные учения вынуждены были отразить эту духовную эволюцию, трансформировавшись в данном направлении. Те же из них, кто это не смог сделать, остались на периферии общественного сознания. Признание именно посюсторонних проблем человеческих индивидов в качестве важных и в принципе разрешимых, поиск *необходимости* практического разрешения этих проблем создали такой психологический климат в обществе, который сделал не только возможным, но и неизбежным существование системного института социальной работы.

Однако новое *экономическое* поведение нельзя назвать свободным: оно регулируется (манипулируется) собственниками средств производства с помощью правовых норм, культурных традиций, рекламой, иными неэкономическими методами. Это стало поводом для того, чтобы американскому социологу и философу немецкого происхождения Г. Маркузе назвать такое потребление и социальное поведение *преформированным*, то есть определенным извне, навязанным, а само это общество – «обществом потребления». *Преформированность* потребительского поведения, согласно Маркузе и Фромму (последний использует термин «модус обладания» для обозначения того же феномена) [3, с. 6-22; 6, с. 91-108], является причиной разнообразных психологических и социальных патологий (каковыми являются, например, потребительские стереотипы повседневной жизни или наркомания). Особенно остро они проявляют себя во время циклических «структурных» кризисов рыночного хозяйства (вроде того, который случился на Западе в 1980-е гг.).

Западная социально-экономическая модель не представляет собой недвижимый монолит. Скорее, ее более чем полувекковая история похожа на качание маятника. Разбухание бюджета в силу роста потребностей социальной сферы ложится на частного производителя тяжелым грузом налогов. Кроме того, потребности государственного управления экономикой и распределения общественного продукта требуют численного увеличения бюрократии и усиления ее полномочий, что, в свою очередь, приводит к таким проблемам как коррупция и формализм. В результате замедляется рост производства. А от этого в конечном итоге страдают все классы гражданского общества. Как правило, в данной экономической ситуации на выборах побеждают правые партии, защищающие интересы частных собственников и поддерживающие буржуазные ценности в духе идеологии «свободного рынка» – «неолиберализма» или традиционные ценности «неокон-

серватизма». Так было, например, в 1980-е гг., в эпоху, связанную с именами президента США Р. Рейгана и премьер-министра Великобритании М. Тэтчер. Однако резкое снижение социальных расходов не только оживляет экономику, но и в конечном счете болезненно сказывается на благосостоянии самых широких слоев населения – в том числе мелкого и среднего бизнеса. В ситуации обостряющихся социальных проблем, грозящих новым структурным кризисом, левые партии – коммунисты, социалисты, социал-демократы и зеленые в 1990-е гг. и в начале XXI в. почти повсеместно вновь приходят к власти, чтобы реанимировать распределительную систему (или поддержать ее на прежнем уровне, не допустить ее разрушения). В настоящее время почти целый континент – Южная Америка – живет под красными флагами социальных реформ. Однако сейчас уже ясен алгоритм развития современного общества: рано или поздно эта социалистическая волна схлынет, наткнувшись на порождаемую ею же бюрократию, за чем последует буржуазный откат. Но также ненадолго. Таким образом, как свидетельствует политическая эволюция стран Запада последних 50-60 лет, в условиях индустриально развитого общества, развитой парламентской демократии, *незавершенного отрицания рынка* рыночный сектор экономики и механизмы частичного обобществления взаимно дополняют и взаимно отталкивают друг друга. Кентавр модернизированного капитализма постоянно ссорится сам с собой, кусая сам себя за хвост.

Некоторые учебные пособия по социальной работе [4, с. 338-339], написанные в 1990-е гг., имея в виду неолиберальную и неоконсервативную волну на Западе, поспешили преувеличить ее значение и заявили о крахе распределительной системы как таковой. Очевидно, что в контексте современной общественно-экономической ситуации такой вывод нужно считать ошибочным. Он идет от непонимания самой природы общественной системы западных индустриально развитых стран.

На основе этой социально-экономической модели сложилась особая модель социальной политики – *государственно-распределительная*. Характеризуется она высокой долей государственного участия в распределении доходов. Классическим образом она представлена в Германии, Швеции и в других странах Центральной и Северной Европы. Причем в каждой стране воплощение этой модели преломляется через национальную специфику. Так, в Германии доминирует принцип социального страхования, соцобеспечения, социальной помощи. Социальное страхование в Германии – не только средство возмещения рисков, но и средство распределения общественных продуктов. А система соцобеспечения в Германии гарантирует любому гражданину прожиточный минимум независимо от предварительных выплат и взносов в качестве налогоплательщика. Источником финансирования социальной помощи служат общественные фонды. Оказание ее зиждется на принципах индивидуализации и субсидиарности (невозвратности). В Швеции сделан упор на

высокие налоги, доходящие до 60% с прибыли. А в Дании приоритетным является совмещение государственного участия в защите доходов и организации системы социальных услуг с активностью органов местного самоуправления.

В некоторых западных государствах (Великобритания, Франция, а также Япония) элементы государственно-распределительной системы представлены минимально или соседствуют с элементами других моделей социальной политики – остаточной, так называемой моделью «индустриального развития». Последняя наиболее последовательно реализована в Японии. Суть ее сводится к *корпоративному патернализму*, обеспечивающему работникам социальную защиту на условиях пожизненного найма, выплаты зарплаты по старшинству и т.д. Система социальной защиты в Японии включает в себя социальную помощь, социальное страхование, охрану здоровья, обслуживание престарелых и инвалидов. Финансирование социальной сферы происходит на основе страховых взносов предпринимателей и трудящихся. В пенсионном страховании участвует государство, несущее одну треть всех расходов. Особенностью японской социальной системы является также пофирменная (а не отраслевая, как в Западной Европе, России и США) организация профсоюзов.

Социальная политика стран модернизированного капитализма имеет непоследовательный характер. Дело в том, что уравнилельно-распределительный принцип не устраняет общественные проблемы как таковые. Он лечит от симптомов, но не от самой болезни. Классовые противоречия, различные проявления социального неравенства сохраняются и воспроизводятся в скрытом виде, обнаруживая себя всякий раз, когда система социальной помощи и социального обеспечения дает сбой. В данном общественном контексте эта система, подобно советской, объективно играет и репрессивную роль, игнорируя, например, эмигрантов (и не только нелегальных), а в некоторых странах – нерадивых налогоплательщиков. Это не только не способствует социальной стабильности, но и служит нарастанию социальной напряженности. Порой дело оборачивается острым конфликтом, как это случилось весной 2006 г. в Париже, когда жители парижских окраин, среди которых большинство составляют выходцы из «третьих» стран и их дети, устроили уличные беспорядки. В этой связи можно вспомнить также массовые волнения молодежи в Чили и Греции, происходившие примерно в то же время, а также в начале марта 2007 г. в Дании. Все это отражает противоречивый характер данной общественно-экономической системы в целом.

Своеобразным синтезом «западной» и «восточной» модели стал «правый тоталитаризм» (*национал-социализм* или *фашизм*) в Германии и Италии. Его особенностью является совмещение рыночных, буржуазных («горизонтальных», основанных на юридическом равенстве) общественных связей, частной гражданской собственности и конкуренции со связями «вертикальными», иерархиче-

скими, воплощенными в структуре «партийно-государственной», авторитарной власти.

Как и вышеописанная «восточная» социально-экономическая модель, он был результатом попытки преодоления классовых противоречий, порожденных предыдущим этапом капиталистического развития. Националистическая («патриотическая») идеология была представлена идеологами фашизма в качестве средства, способного сплотить все классы общества несмотря на разницу их классовых и групповых интересов, перед лицом общенационального врага. Существенным моментом этой идеологии был тезис о социальной защите низших классов. Нуждаясь в широкой социальной поддержке, особенно в период борьбы за власть, фашисты выдвигали привлекательные программы социальных преобразований, заимствуя при этом идеи как у левых партий, так и у буржуазных реформаторов.

Социальная политика первых фашистских государств (Италии и Германии) опиралась на традиции и институты социального страхования и соцобеспечения, заложенные еще при Бисмарке. Она предусматривала меры по сокращению безработицы, повышению материального уровня жизни трудящихся. Например в Германии, фашистам удалось это сделать: запустить в производство модель «народного автомобиля» Фольксваген, впервые в истории наладить сеть массового телевизионного вещания, а к середине 1930-х гг. ликвидировать безработицу. Однако все это имело изнанку: повышение зарплат рабочих стало результатом выигранных «малых войн», ликвидация безработицы представляла собой не что иное, как введение всеобщей трудовой повинности для выполнения военных заказов и сельхозработ, а телевизионная сеть использовалась главным образом для идеологической пропаганды.

Милитаризированная фашистская экономика имела тупиковый путь развития – войну, и экономический рост, позволивший реализовать социальные программы, лишь ускорил развязку в 1945 г. Именно специфические черты экономики, а не военное поражение само по себе, стали главной причиной краха фашистской социальной системы.

Среди фашистских режимов особняком стоят диктатуры Салазара в Португалии, Франко в Испании и режим Пиночета в Чили, демонтированные только во второй половине XX в. Условием столь долгого их существования стала финансовая поддержка США, относительная экономическая стабильность (в Испании и Португалии) и относительный экономический рост (в Чили). Милитаризация экономик этих государств не играла такой роли как, например, в Германии и Италии в эпоху Гитлера и Муссолини. Однако и эти режимы пали под напором общественной потребности в интеграции и гуманизации социальной сферы.

В результате поражения итальянского и германского фашизма на исторической сцене остались по большому счету две социально-экономические модели – «западная» и «восточная», модернизиро-

ванный капитализм и бюрократическое общество. Конкуренция между ними определяла мировое общественное развитие, что выразилось в противостоянии, названном «холодной войной». Одним из козырей в борьбе между ними оказалось состояние социальной сферы. Нелепо было бы ожидать, что западный капитализм мог рассчитывать на победу в борьбе с так называемым «реальным социализмом», оставаясь прежним – тем, каким его описывали Маркс, Энгельс и Ленин. Чтобы победить своего «социалистического» (хотя бы по декларациям) врага, он сам должен был, хотя бы отчасти, социализироваться. И развитие системного института социальной работы, его техническое оснащение и технологическое совершенствование на Западе эффективно способствовало победе западной социально-экономической модели.

Дело в том, что в современном индустриально развитом обществе системный институт социальной работы играет роль инструмента *сглаживания межклассовых конфликтов*. В снятии их остроты состоит его стратегическая *цель*. Для ее достижения он решает следующие задачи.

1. Распределяет материальные блага в пользу нуждающихся (*распределительная функция*).
2. Создает для нуждающихся условия для личностного развития (*созидательная функция*).

Очевидно, что он взял на себя реализацию тех задач, которые ранее выполнялись стихийно в результате общественно-политических революций, насильственно изменяющих формы собственности и государственности. Социально-классовые конфликты на Западе были сведены к локальным масштабам именно благодаря стабильной деятельности системного института социальной работы наряду с изменением социально-психологического климата в обществе, превратившемся из «общества выживания» в «общество потребления».

Институт системной социальной работы играет *посредническую роль*, заключающуюся в обеих его функциях – его работники посредничают между имущими и неимущими классами. И в этом состоит противоречивость их положения: они зависят от щедрости власть и деньги имущих (от чиновников, распоряжающихся государственным бюджетом и частных филантропов), но призваны защищать интересы нуждающихся. В практике социального работника это противоречие обнаруживается в бюрократизации его работы, в формальном отношении к клиенту, что противоречит поставленным перед ним целям и задачам. Это проявляется также в сужении объема выполняемых работ и социальной помощи, что нередко происходит под прикрытием их «адресности».

Сверхзадачей современного института социальной работы, таким образом, можно считать устранение социальных предпосылок воспроизводства проблем своих клиентов (нуждающихся индивидов). Можно сказать, его сверхзадачей является устранение клиентов социальной работы как общественного феномена, подобно тому,

как сверхзадачей медицины является устранение пациентов *путем их излечения*.

Содержание социальной работы как специфического вида профессиональной деятельности составляет оказание помощи клиенту в достижении социально приемлемого или социально привлекательного уровня жизни, позитивное изменение общественной ситуации, общественных связей. Социальная ситуация клиента – конкретное состояние его проблемы. Следовательно, она является *предметом* социальной работы, то есть тем, над изменением чего трудится социальный работник. Клиент – это не характеристика личных качеств индивида, а обозначение проблемного состояния его общественных связей, обозначение его определенного общественного статуса. В качестве объектов (клиентов) социальной работы могут выступать и группы индивидов – семьи, трудовые коллективы и т.п. Традиционно она направлена на инвалидов, пенсионеров, детей из неполных семей, словом, на те слои, которые наименее защищены от социальных проблем, поскольку их общественная, и в особенности экономическая, активность в качестве рабочей силы ограничена в виду объективных причин. Однако клиентами социальной работы могут оказаться и представители социально благополучной среды, например семья бизнесмена или чиновника, где есть наркоман или больной СПИДом. В этом смысле можно сказать, что институализированная социальная работа по своему содержанию имеет *общеклассовый* (но не *надклассовый*) характер. Она, можно сказать, является отрицанием классового принципа внутри классового общества.

Современная социальная работа – это *светский* институт, оказывающий помощь на принципах толерантности, веротерпимости, невмешательства в духовную жизнь клиента. Этим он отличается от конфессионального миссионерства, использующего социальную работу как средство для пропагандистских, узкоконфессиональных целей. Светский, универсальный характер социальной работы заключается как раз в том, что она направлена на всех людей, независимо от их религиозной, идеологической, расовой, половой, возрастной, классовой и прочей принадлежности. Единственный критерий для оказания социальной помощи – это действительность нужды и неспособность человека самому справиться с ней.

Вопрос о субъектах социальной работы (который в литературе до безобразия запутан) необходимо разделить на две части по причине того, что она существует одновременно и как общественный институт, и как общественно значимая деятельность.

Сам по себе системный институт социальной работы (как в России, так и в других странах) представляет собой государственное учреждение или иерархию должностей, каждая из которых наделена своими специфическими функциями, полномочиями и сферой ответственности. Так, говоря о субъектах социальной работы, нужно иметь в виду, что степень субъектности в учреждениях, занятых со-

циальной работой, зависит от уровня, занимаемого работником в этой иерархии. На верхней ее ступени находится соответствующее государственное ведомство, курирующее институт социальной работы как таковой. Оно, в свою очередь, подчиняется тем государственным органам, которые определяют общую социальную политику государства. При парламентской демократии это делают, каждый в рамках своих полномочий, парламент, президент и правительство. Формируемая ими социальная политика, в свою очередь, соответствует господствующей идеологии. Низшие же ступени института социальной работы занимают рядовые социальные работники, выступающие как исполнители решений вышестоящих органов, чья субъектность относительно последних минимальна.

Наряду с институциональным бытием социальная работа существует еще и как общественная профессиональная деятельность, как непосредственный процесс социального обслуживания, социальной помощи или социального обеспечения. И здесь, кроме собственно социальных работников, известной степенью субъектности обладают и лица, не входящие в данную ведомственную иерархию. Это прежде всего клиенты социальной работы, но также лица и общественные организации, чья деятельность касается социальной работы косвенно – через частную благотворительность и филантропию. К числу субъектов социальной работы некоторые исследователи причисляют еще и специалистов по профессиональной подготовке социальных работников и исследователей социальной работы как общественно-исторического феномена [5, с. 56].

* * *

Итак, подведем итоги. Примерно в середине XX в. во всех индустриально развитых странах мира возникает механизм сознательного опосредования социальных связей и процессов. Этот механизм предполагает наличие элементов рационального контроля над общественным производством и общественным распределением. Он включает в себя государственно-правовое регулирование трудовых отношений, перераспределительную систему, социальное страхование и т.д. Необходимым звеном данного механизма является институт социальной работы и социальной помощи, превращенный таким образом из маргинального в *системный* институт, то есть такой, который обеспечивает устойчивость социальной системе в целом.

В *макрореволюционном* цикле начала XX в., продуктом которого является данное общественное устройство, в политических и экономических движениях, ведших к нему, состоит непосредственная социально-историческая предпосылка возникновения социальной работы в том виде, в каком она ныне существует во всем индустриально развитом мире. Второй предпосылкой является та культурная эволюция, которая подталкивала и отражала эти социальные метаморфозы. Состоит она в секуляризации, рационализации и индивидуализации общественного сознания.

Современное функционирование института социальной работы противоречиво в той же мере, в какой противоречиво общество, его породившее и в рамках которого он существует. С одной стороны, призванный решать в первую очередь проблемы социальных низов, он во всем зависит от воли социальных верхов. Одной из форм проявления этого противоречия является бюрократизация его деятельности. В результате происходит инверсия социальной работы: вместо разрешения общественных проблем она служит их консервации и углублению.

Однако необходимо признать, что системный институт социальной работы является одной из многих причин того, что уже больше полувека социальные конфликты и войны на нашей планете имеют лишь локальный характер. Теперь задача заключается в том, чтобы устранить и их. Решить эту проблему без увеличения влияния *системной* социальной работы весьма сложно.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. Избранное / Вступ. статья Н.А. Макашевой. М.: Эксмо, 2007. 970 с. (Антология экономической мысли).
2. Коряковцев А.А. Политическое самоотчуждение труда и проблема социалистической революции. Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. Екатеринбург, 1994. 22 с.
3. Маркузе Г. Одномерный человек. М.: «REFL-book», 1994. 368 с.
4. Социальная работа: теория и практика. Учеб. пособие / Отв. ред. д.и.н. Е.И. Холостова, д.и.н. А.С. Сорвина. М.: «ИНФРА-М», 2001. 427 с.
5. Теория социальной работы / Под ред. д.и.н. Е.И. Холостовой. М.: Юристъ, 1998. 334 с.
6. Фромм Э. Иметь или быть? Ради любви к жизни / Пер. с англ.; Предисловие д.филос.н. П.С. Гуревича. М.: Айрис-Пресс, 2004. 384 с. (Человек и мир).

RESUME

Andrey Aleksandrovich Koryakovtsev, Candidate of philosophy, associate professor, post-doctoral student, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences. Ekaterinburg, akoryakovtsev@yandex.ru

Pre-conditions of Institutional Stage in Evolution of Social Work

The article interprets the rise of the institute of social work as a necessary result of macro-revolutionary cycle in the first half of the XX c. and of the cultural evolution in industrial societies.

Institute of social work, macro-revolutionary cycle, bureaucratic society, modernized capitalism, social project of fascism, models of social policy, social care, social help, socio-economic model.

Материал поступил в редколлегию 22.04.2008 г.